

18+

Владимир Сметанин

Долгая осень Жака

Владимир Сметанин
Долгая осень Жака

«Издательские решения»

Сметанин В.

Долгая осень Жака / В. Сметанин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500117-7

Один из героев романа приобретает друга — увлечённого и даже фанатичного краеведа, сопровождая которого в его изысканиях, обнаруживает, что краеведение — отнюдь не главное, чем одержим товарищ. Не жаждет он и припрятанных кем-то сокровищ. Что же потерял человек на необъятных просторах России и ищет уже десятки лет? Безднадёжные поиски продолжаются, несмотря ни на что — отступить слишком поздно.

ISBN 978-5-00-500117-7

© Сметанин В.
© Издательские решения

Содержание

1. Грабёж среди бела дня	6
2. Повесть о Батистоне	9
3. Переводчик из «Фолианта»	12
4. Придворный художник	15
5. Бунт аврального зама	23
6. Краеведческий интерес Василисы	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Долгая осень Жака

Владимир Сметанин

© Владимир Сметанин, 2019

ISBN 978-5-0050-0117-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Грабёж среди бела дня

Совещание всё никак не начиналось: уже прошло пять минут сверх назначенного срока; десять, пятнадцать. Антон Ведяев рылся в смартфоне и время от времени бросал взгляд на соседние ряды – они не так скоро, как вначале, но таки ещё пополнялись. Народ всё больше знакомый: энергетики, коллеги и, кроме того, земляки.

Поскольку совещание-то городское, узкое совещание. Не то, чтобы какие-то тут местные тайны обсуждались, а исключительно в рамках плана мероприятий второго квартала именно этой административно-территориальной единицы.

На свободное сиденье рядом рухнул запыхавшийся мужик в годах. Тоже знакомый; они обменялись рукопожатием.

– Делать нечего, – проворчал ветеран, кивая в сторону сцены, где был заготовлен стол для президиума. – А тут бежи, торопись, чтоб вас!..

– Истинно так, – согласился Антон. Но вы вовремя прибыли, не опоздали.

– Приходится. А что, медиаторов... модераторов – ещё не видно? Зам по экономике, наверное, придёт.

– Наверное.

Зам по экономике городского главы не принадлежал ни к одной королевской фамилии, поэтому большой точностью не отличался и появился лишь спустя двадцать минут, в сопровождении представителя областной электросетевой компании. Последний собравшимся был также хорошо известен, благодаря своим постоянным претензиям о задолженности по оплате за потреблённую электроэнергию. Ни о чём ином, а как раз об упомянутом безобразии стал говорить он и на этот раз, напирая на то, что компания терпит лишения и выбивается из сил, чтобы только обеспечить местное население высококачественной электроэнергией. Да. Но встречает лишь иждивенческое настроение названного населения, которое в ряде случаев злобно уклоняется от уплаты. И компания при всей своей доброте больше не намерена терпеть такое бесчинство и кормить упомянутое население. Она и без того взвалила на себя тяжкое бремя социальной миссии, помогая детско-юношеской спортшколе, которой в этом году подарила два футбольных мяча, и дому престарелых, которому презентовала городки и 200-килограммовую штангу. Для продления активного долголетия. Одного железа в ней сколько!

В заключение представитель зачитал общую сумму задолженности города, а также в разрезе наиболее крупных организаций-неплательщиков. Затем он перешёл к зачитыванию списков самых нерадивых физических лиц, но этого уже собравшиеся выдержать не могли – отчасти из-за невыносимой нудности процесса, а равно потому, что частью и сами были внесены в эти амбарные книги.

– Горькая жизнь, – ни к кому не обращаясь, заметил Антон.

– Ага, бедняги, – проворчал вполголоса сосед и уже громко спросил:

– А у вас, простите, какая зарплата? Наверное, очень невысокая?

Вопрос был риторический и даже ритуальный, но привыкнуть к нему, видимо, оказалось не так-то просто: представитель поперхнулся, затем покраснел от негодования и бросил:

– При чём тут моя зарплата? Уверяю, она меньше, чем у игрока высшей лиги, но задолженности по оплате электроэнергии у меня нет.

– Это я к тому, – пояснил труженик местной энергетики, – что некоторым гражданам нашим при таких тарифах платить очень затруднительно. А платить надо много и долго – зима-то у нас суровая и долгая.

– Но при чём тут наша электросетевая компания? – неприязненно посмотрел на бутылку с минеральной водой представитель. – Если он не в состоянии платить за товар, пусть им не пользуется.

– А ведь среди неплательщика есть и ветераны отрасли, которые строили плотины, эти самые электросети. Или это вы их построили?

Тут представитель совсем побагровел, начал хватать ртом воздух, чтобы ответить хаму, но вмешался зам главы:

– Давайте ближе к делу. Факт остаётся фактом: задолженность имеется, и немалая. И её надо гасить. Следует решить, как и в какой срок выполнить эту задачу. Давайте обсудим. А насчёт тарифов: не станем же мы строить тут свою ГЭС – она съест половину нашего бюджета на двадцать лет вперёд.

Дальше ничего особенного уже не происходило, поскольку совещание вошло в русло конструктивного обсуждения проблемы, следствием которого стало твёрдое заверение, что долг в самое ближайшее время будет закрыт. С тем, потратив на разрешение этого вопроса три с половиной часа, все разошлись – до следующего совещания с убедительными заверениями, что имеющаяся недоимка по оплате за электричество будет немедленно ликвидирована.

Антону предстояло добираться на край города, в непрезентабельный район, застроенный больше, чем наполовину, одноэтажными домами. Он почему-то носил неофициальное звание Нахаловки, хотя дома были построены едва ли не век назад, и, во всяком случае, гораздо раньше втиснувшихся сюда многоэтажек. Выводок которых, по справедливости, как раз и следовало бы так величать Нахаловкою. Официально территория именовалась Осиновой, хотя ни одной осины здесь уже не росло, только акации да сорные маньчжурские клёны, растущие дико и быстро, как крапива на заброшенной даче.

Антон с досадой отметил, что сентябрьское солнце уже валится за горизонт – долгое совещание к тому же началось поздно – и решил двинуться домой пешком, поскольку автобусы ходили в Сосновую с большими интервалами. Хорошо ещё, сегодня в его трудовом графике не значилось репетиций в ДК. Там он сопровождал хору ветеранов по четвергам, а по иным дням – группам танцоров или вокалистов, когда занимались эти артисты. В основном перед праздниками или конкурсами и смотрами. За это ему платили полставки помощника музыкального руководителя, что выливалось в четыре тысячи рублей за месяц. Основная его работа была более доходной, хотя и временной: он замещал одного из четырех бойлерщиков, уволенного по причине низкой трудовой дисциплины, а именно – пьянства. Место береглось для племянника директорши ДК, который пока служил в армии. Тем временем Антон получал тут около 15 тысяч. Ещё случалось ему подрабатывать на устройстве электропроводки в новых домах. Хоть всяких допусков у Ведяева не имелось, но не зря же он окончил один курс института по специальности энергетика. И все, кому следовало, об этом знали.

– Нахватал должностей! – горько улыбаясь, жаловался с похмелья знакомым уволенный бойлерщик. – Он, Антон, в месяц имеет, поди, побольше двадцатки! А тут... – и просил для восстановления здоровья сто рублей. Столько стоил его любимый лосьон. Закуску он игнорировал напрочь, особенно, когда её не имелось.

С грустью вспомнив свою «Калдину», которой предстоял дорогой ремонт, Антон взял старт. Почти сейчас же рядом скрипнули тормоза и белый «РАВ» клюнул носом, остановленный неожиданно среди размеренного бега.

– Сосновая? – высунулся в окно владелец. – Садись, я тоже нахаловский.

– Все на колёсах, парой слов перекинуться некогда, – продолжал автомобилист, – и тебя больше за рулём вижу. А чего сегодня пешком?

– Машину помяли на парковке. Практикующиеся, надо быть. Я-то и не видел. Ремонтить надо.

– А-а. Игнат, – протянул руку хозяин авто. – Я – Игнат.

- Антон. Я на Овражной, 25.
- Примерно знаю.
- И я тоже знаю примерно, – ты по Солнечной, в конце? – так же без церемоний перешёл на «ты» пассажир.
- Всё верно.
- Следующие пять минут прошли в молчании.
- Ну вот, значит, ты и дома, – Игнат притормозил. – Пока!
- Антон полез было в карман.
- Э, не надо, – остановил его новый знакомый. – В другой раз, может, я пешком буду. Мало ли... Практикующиеся не дремлют.

2. Повесть о Батистоне

Площадь была полна народу, что и неудивительно: после двух дней проливного дождя наступила передышка, и как же тут не воспользоваться ею и не выйти, наконец, из дому на солнце! Тем более, что предстояло нечасто теперь случающееся зрелище: сожжение колдуна. Но, конечно, не всё население города смогло собраться сегодня здесь: много мужчин занималось укреплением дамбы, подпирающей искусственное озеро, вода из которого приводила в движение две мельницы. Но на этот раз воды после ливней скопилось слишком много, того и гляди, поток хлынет через верх плотины и размочит её. Хотя затворы были полностью открыты, они не справлялись с пропуском лишней воды; кое-где сквозь дамбу уже сочились грязные ручейки и аварийный отряд трудился, не разгибая спины. Между тем ненадолго прояснившееся небо вновь стало заволакиваться тучами. Но напрасно приговорённый, привязанный к вкопанному столбу, устремлял к ним свой взор: не упало ни одной капли дождя.

Джакомо Жан-Луи Батистон, 35 лет, чернокожничник, колдун и злодей, приговаривается к сожжению на костре, – провозгласил председатель магистрата, старый инквизитор де Монпелье, и с высоты трибуны для почётных граждан сделал знак человеку с факелом. – Да заткни ему тряпкой пасть, Гастон, – пусть бес сгорит вместе с ним!

Вспыхнул и затрещал хворост, пламя взвилось и дым на секунду окутал чародея, но тут же источился, отброшенный жаром костра. Затрещали волосы на голове Батистона, что услышал только он сам. После первого натиска огонь слегка опал, словно готовясь к решающему броску. В вышине ударил гром и глухие, затихающие раскаты его стали отдаляться, как вдруг новый удар, сопровождаемый молнией, потряс округу и сейчас же к нему добавился треск и гул земной – то прорвало плотину. Бешеный поток рванулся на улицы города, швыряя из стороны в сторону доски и бревна от разнесённых мельниц и крепежа дамбы, попутно вздымая во дворах копны сена, загородки для скота, сметая заборы и нужники. В мгновение ока водяной вал снёс дощатое возвышение для именитых горожан, кого-то из них с бешеной силой ударил головой о столб с привязанным к нему колдуном, обдав грудь Батистона мозгами. Его тут же стошнило, может быть, ещё и оттого, что полуобгоревший, он тотчас же принял ледяную купель. Сознание покидало его.

«Зато ты никогда не будешь старым» – почудился ему голос Женевьевы. Потрясённый тараном инквизитора де Монпелье, под напором стремительного потока столб не устоял: он вместе с колдуном, несгоревшим хворостом и другим сором понесся по течению. Шум воды, крики, ругань и проклятья попавших в холодную грязную реку наполнили площадь Веселья. Батистон очнулся от того, что начал захлёбываться: привязанное бревно плыло сверху, утапливая его. Не имея возможности пошевелить руками, он огромным напряжением сил вытолкнул языком кляп и начал отгребать в одну сторону ступнями – ноги были привязаны лишь выше коленей. Эти усилия привели к тому, что на секунду столб повернулся вокруг своей оси и вынесенный из воды злодей успел глотнуть воздуха. Тотчас же древесный ствол начал обратное движение, погрузив своего партнёра в мутный поток. Батистон сообразил и стал активно помогать бревну, работая ногами. И через секунду бревно вытолкнуло его на поверхность с другой стороны, тут же начав вращаться в противоположном направлении. Преступник потерял счёт этим переворотам, которые он довёл до того, что даже возносился над столбом, хотя и ненадолго. Всё закончилось тем, что потерявшее начальную скорость бревно выплыло на мелководье, и его пленник проехался обожженным лицом по траве, отчего вскрикнул и стиснул зубы, чтобы снова не закричать. Зато теперь он мог свободно дышать, лёжа на отмели рядом с проклятой колодой. Но тут силы покинули его и он вновь потерял сознание.

Очнулся Батистон от того, что замёрз: стянутое намокшими веревками тело плохо согрелось из-за медленного тока крови. В то же время нестерпимо болело лицо и ноги, особенно

колени. В довершение веревки отчего-то дёргались, причиняя лишнюю боль. Скосив глаза, он увидел Этьена – своего ученика, который, встав на колени, поддевал путы ножом и пилил их; нож оказался не очень-то острый.

– Тихо, учитель! – заметив, что Батистон очнулся, сказал Этьен, – я сейчас!

И точно: не прошло и двух минут, как пеньковые жгуты были разрезаны и освободившийся от них пленник вздохнул полной грудью.

– Однако, как ты здесь, друг мой?

– Я стоял с самого начала на краю площади и всё видел. Чуть не утонул – я не умею плавать. Но там несло много досок, целые заборы, много чего ещё. Я держался за доску и старался не потерять тебя из виду. Там плыл и Монпелье с разможжённой головой.

– Так это был он, он врезался в столб?

– Да.

– Теперь нечем будет пугать непослушных детей. Какая потеря для родителей!

– Ты всё шутишь, учитель; другой на твоём месте уже умер бы от разрыва сердца!

– Правду сказать, мне сейчас не очень весело. Ах! – Батистон застонал, попытавшись встать на ноги. Это у него получилось со второй попытки. – Но хорошо уже то, что Монпелье не удалось меня спалить.

– Жаль, что не досталось бревном по голове тому, кто виноват во всём больше.

– Это кто же?

– Твой друг Шарль.

– Этьен, что ты говоришь? При чём здесь Шарль?

– Он пустил слух, что ты знаешься с нечистой силой, что картины твои злодейские и по ночам с них сходят чудовища и бесы, и ты с ними разговариваешь и колдуешь.

– Что за чепуха! Неужели Шарль... Зачем ему?

– Так говорит отец. Он же в магистрате. А зачем – так Шарль ведь тоже художник, но до тебя ему далеко. Вот и захотел убрать. А твой дом и мастерскую заполучить себе. Ты ничего не видел, не замечал?

– И подумать не мог. Но ведь ты сколько раз был у меня – видел ты, чтобы из картин выползала нечисть?

– Нет. Но нарисована-то иногда была. Да ты же и разговариваешь почти всё время с картиной, когда пишешь. Как с живой. Монпелье, – говорит отец – больше и не надо. Он, Монпелье, подсылал к тебе людей – якобы посмотреть картины, прицениться. А на деле – шпионить. Вот они и подтвердили – дескать, Батистон разговаривает с нарисованными.

– С ума сойти можно. Я и так-то еле живой. Хотя значительно живее Монпелье. – А тебе, Этьен, спасибо. Надеюсь, доведётся ещё тебя отблагодарить. Теперь же мне надо побыстрее куда-то убираться.

– Да, конечно, но пока, до темноты, надо спрятаться. Давай найдём место. Потом я схожу домой, принесу поесть – ты же не сможешь идти неизвестно сколько, не евши.

Они отыскивали заросший чертополохом загон для овец и тут вымокший Батистон, морщась от боли, стянул с себя одежду и выжав её, повесил сушиться на изгородь там, где бурьян был выше. Сюда, на пригорок, вода не добралась, долина же внизу оставалась залитой водой. Город шумел, разбираясь с последствиями катастрофы. Разбираться предстояло долго.

Прошло порядочно времени, прежде, чем вернулся Этьен: солнце краем уже коснулось горизонта, стало прохладно. Но шея, лицо и ноги Батистона горели.

– Я принес сметаны, учитель, намажь ожоги, – Этьен достал из небольшого холщового мешка берестяную плоскую, завязанную в кусок ткани. – Ещё принёс хлеб и яблок, только они не совсем доспели. И вот ещё немного денег – он вложил в обожжённую руку несколько монет.

– Не знаю, как и благодарить тебя.

Есть Батистону совсем не хотелось, от пережитой казни его сотрясал озноб, горела обожженная кожа, и он торопливо начал смазывать её сметаной. Этьен, опустившись на колени рядом, с беспокойством оглядывался по сторонам.

– Учитель, теперь надо торопиться, – сказал он, дождавшись окончания лечебной процедуры, – горожане очень злы на тебя. Говорят, что это ты устроил потоп и смерть де Монпелье, и с ним ещё десятка человек, а перед тем – проливные дожди. Тебя собрались искать – никто не верит, что ты погиб. Когда найдут твой столб, тут совсем обезумеют. Шарль подливает масла. Беги, не теряя времени.

– Этьен, как ты понял – наше время ещё не пришло. Будь осторожней с кистями. И со словами.

– Я буду осторожен.

– И ещё одно: ты не видел Женевьеву?

– Её не выпускают из дому с тех пор, как забрали тебя. Торопись, учитель!

3. Переводчик из «Фолианта»

Соседи Антона Ведяева, нормальные во всех отношениях люди, жили тоже в домах старой постройки, время от времени ремонтируя их и украшая то забор, то стены, которые обшивали сайдингом, то меняя старый, почерневший шифер на гладкий блестящий профлист или металлочерепицу. Практично и сравнительно дёшево. Лишь полезную площадь жилищ невозможно было привести в достойный времени вид: пристраивать к развалюхам что-то новое не представлялось возможным – они просто не выдержали бы строительных потрясений. Возможным представлялось лишь снести их и построить совершенно новые дома. Такая мысль грела обитателей многих из этих хаусов, иные же рассчитывали, подкопив средств, обзавестись квартирой в многоэтажке, или же переселиться в таковую, буде со временем и их участок потребуется для строительства нового многоквартирного дома, где найдется место для них. Так шли годы и десятилетия, и точно: случалось, кто-то заселялся в новенькую квартиру, а кто-то осиливал строительство дома, увязнув по маковку в кредит. Но в основном тут мало что менялось, и эта стабильность вполне устраивала жителей, по большей части пенсионеров.

Не предвиделось в ближайшей перспективе жилищных перемен и в жизни семейства Ведяевых. Хотя мысль об ипотеке посещала их, но пока Антон с Ольгой и маленькой Аделью достаточно свободно умещались в доме размером 6 на 8. У иных не имелось и такого. Ольга преподавала в школе историю и обществоведение, Адель же ходила во второй класс этой самой школы. Когда уроки у неё заканчивались раньше, чем у матери, она ждала Ольгу Ивановну, никому не докучая и полностью погрузившись в смартфон. Иногда, во время перемен, она отрывалась от гаджета и с недоумением смотрела на мельтешение и беготню в учительской. Но это не вызывало особого интереса, и Адель возвращалась к прежнему занятию.

– Привет, ещё раз! – объявил о своём прибытии Антон. – Что у меня есть? – Он достал пару мандаринов и пожонглировал ими.

– А ты сегодня отработался? – спросила Адель, сполоснув фрукт и счищая с него кожуру. – Больше не пойдёшь?

– Не пойду. Отработался.

– Тогда давай лепить лошадей.

– Деля, тебе же пора выполнять домашнее задание, – встряла в разговор Ольга. – А отцу надо отдохнуть и попить чаю – он, наверное, голодный.

– Я бы запросто выпил, – отозвался Антон, умываясь. – То есть чаю. А ты, Делька, грызи пока мандарин.

– Пешком? – Ольга за компанию тоже налила чаю.

– Подвезли. Игнат есть такой, на Солнечной живёт, в конце.

– А. Я тоже его знаю. Он, кажется, живёт один.

– Может, развёлся. Не старик же.

– А почему – Игнат? – озадачила вопросом Адель.

– Ну как – почему? У всех же имя есть, и у него тоже. Вот я, например, Антон, а он – Игнат.

– Что-то неправильно, – с сомнением покачала головой дочь, но не пояснила, что именно, и сунула в рот последнюю дольку мандарина.

– А теперь – делать уроки! – скомандовала Ольга. – А я пока буду готовить ужин. Отец пусть передохнёт.

Возражений не последовало. Антон сел в кресло и просматривал газеты, коих было всего две: ввиду серьёзной напряжённости семейного бюджета на больший объём печатных СМИ выделить средства было нецелесообразно. Есть ведь интернет. Несмотря на достаточно жёсткую экономию, финансовые накопления у Ведяевых пополнялись nepозволительно медленно.

Задача же стояла – скопить на двухкомнатную квартиру. Не до шикю. И почти половина нужной суммы уже имелась, но дело только в том, что и цена жилья не стояла на месте и угнаться за ней оказалось куда как непросто. В конце концов Ольга, ненавидевшая и страшно боявшаяся кредитов, особенно больших и многолетних, согласилась, что придется-таки влезть в банковскую кабалу, лет на восемь, на десять. Иначе эта мечта обзавестись собственной благоустроенной так и останется фантастической мечтой. Они ведь не настолько полезные работники, чтобы выдавать им жилплощадь за казённый счёт. Попробуй, попроси-ка у своего начальства! Ещё чего! Чай, не старые времена, будь они неладны. Сами обеспечивайтесь!

Вынужденный простой автомобиля доставлял неудобства лишь самому Антону, поскольку Дом культуры находился далеко, школа же располагалась совсем рядом – пять минут ходу, а с Аделью – шесть. К тому же сейчас весна. Зимой – другой коленик, зимой он первым делом доставлял в школу дам. Машину, конечно, надо делать – впереди лето, надо будет хоть иногда выезжать из Нахаловки и из города – на природу, на реку, в леса, на болота. Куда угодно, лишь бы из города. На Бали – уж как-нибудь потом, когда всё образуется с квартирой, или если выпадет счастливый лотерейный билет.

Он не заметил, как задремал.

Утром Антон ушёл на работу рано, когда домочадцы только ещё просыпались: в восемь утра происходила пересмена, он заступал на суточное дежурство в бойлерной. Отопительный сезон заканчивался, и следовало подыскать какое-то занятие на летнее время, тем более, что и разнообразная концертная деятельность в ДК летом почти прекращалась – пора отпусков. Несмотря на то, что шёл уже последний месяц весны, утро выдалось ветреное и холодное, того гляди, посыплет снег, как случалось часто. Антон поёжился и прибавил шагу. Сзади послышалось приглушённое урчание двигателя и пешеход отступил в сторону, продолжая свой энергичный марш.

– Да хватит уже: грустную землю не меряй шагами, – раздался знакомый голос и в приоткрытое окно автомобиля посунулся Игнат с Солнечной улицы. – Садись, я – до центра.

– Мне как раз. В ДК кочегарю, сегодня моя смена. А ты куда в такую рань?

– Тоже на службу. В «Фолианте» я, переводчик в издательстве. Не успеваю, тормозной, что ли, стал. Приходится прихватывать личное время.

– Ха, здорово! С английского переводишь?

– Когда как. Больше с английского и на английский, но бывает, и французский перевожу, немецкий, испанский, само собой – португальский, хинди тоже и норвежский – но эти уж совсем редко.

– Ничего себе! Наверное, со словарём?

– Иногда и со словарём, особенно когда какие-то старые тексты. Там такие словечки попадают... Как, например, у нас в Сибири кое-где: ехать сундулой – ты можешь сказать, что это такое?

– Сундулой? Ни разу не слышал. Может, сомнамбулой? Есть хоть какой-то смысл.

– Нет, именно сундулой. Это значит – вдвоём верхом на лошади.

– Потеха. Да, если такие пироги, то в нормативы уложиться трудно.

– Но чаще – как по маслу. Когда дело касается общечеловеческих ценностей, добропорядочности и вопросов безопасности. И мыслей-то тут новых нет, и слова практически одни и те же, перевода даже и не нужно. Такие особенно люблю, можно сделать много и быстро. И хорошо заработать. Но переводить эти пошлости скучно. Обратная сторона медали.

– Ты, значит, лингвист?

– Да, нынче, хотя приходилось заниматься и другими делами. Ну, вот я и на месте. Вот мой «Фолиант». Тебя довести?

– Спасибо, я дойду, тут всего-то сто метров.

– Ну, пока. Завтра – отсыпаться?

– Немного вздремну. Хотя отдыхать не от чего: не уголь же кидаю. Может быть, сбегаю до ближнего леса. Плохо, машина стоит, но есть велосипед. По городу такому дяде на нём ездить неуместно – а по просёлкам – милое дело.

– Так в лесу ещё ничего неросло. Или ты охотник ружейный?

– Нет. Поищу коряги.

– Коряги?

– Ну да. Коряги там, коренья. Из них некоторые поделки я изготавливаю. Потому что если особо не пить – надо же чем-то заниматься на досуге. А сейчас самая пора – лес голый, снега уже нет – всё на виду.

– Это верно. Так давай на моей съездим. Я приобщусь. Интересно. Но только оторваться могу часов в пять, не раньше. Как?

– А что, нормально.

– Ну, тогда созвонимся.

Записав номера телефонов, они разошлись по местам службы.

4. Придворный художник

Утром, проснувшись по обыкновению, рано, Антон вспомнил, что на этот день в Сосновом назначена ярмарка: приглашались все желающие – предприятия торговли и сервиса, индивидуальные предприниматели, фермеры, кустари по разным видам изделий прикладного и иного пошиба. Устроителем ярмарки выступало ООО «Экобетон» и, в первую голову, его генеральный президент-директор Волин. Для каких надобностей ему потребовалась эта морока, большинству жителей микрорайона было безразлично, однако не избалованные массовыми представлениями, многие собирались посетить намеченное мероприятие. Благо, вход объявлялся совершенно даже бесплатный. Всё это расточительство со стороны ООО и конкретно Волина имело вполне уважительную причину: руководитель являлся депутатом областного парламента и срок полномочий его нынешней осенью истекал. А поскольку никаких свершений им за истекший период сделано не было, следовало напомнить электорату, что вот он есть по-прежнему, Пётр Петрович Волин и – с думой об этом самом электорате. Кто же ещё о нём (электорате), позаботится? Кроме того, не лишним казалось ещё раз напомнить народу, что и экобетон, производимый фирмой из цемента, золы и опилок – непревзойдённый строительный материал. Без всякой синтетики и вредных биодобавок.

Антон решил выйти на ярмарку со своими поделками – просто для ради интереса. На пробу он взял настольную лампу, изготовленную из корневища ели, и бра из березового капа с причудливым, прихотливым узором волокон, которые на обычном березовом обручке невидны. Электроначинка использовалась, конечно, заводского производства.

В целом ярмарка удалась, к негодованию Афанасия Николаевича Титенко, директора МУП «Жилкомхоз», который тоже намеревался баллотироваться в облзаксобрание. Продавцов присутствовало, пожалуй, не меньше, чем покупателей. Чего только тут не было! Вплоть до самогона, который продавался втихаря из палатки с соками, минеральной водой и разнообразными «фантами». Официально торговцы спиртным сюда не допускались. Наличествовали на лотках также предметы туалета, бижутерия и даже книги, хотя всякому здравомыслящему было понятно, что порядочный человек при средствах предпочтёт книге бутылку горячительного. Поднимались гири, причём кто-то истошно кричал:

– Серега, жми! Ещё немного, и приз твой!

– Да ну, не выйдет! – возражал другой, – каши он сегодня недоел.

И точно – взять приз у Серёги не получилось. Дырокол достался кому-то иному, у которого с кашей сложились более тесные отношения.

Тут состоялся и конкурс на скорость поедания всех любимыми в Сибири поз. Пятеро обжор, стоя во фронт, по команде затейника начали хватать из мисок ещё горячую, дымящуюся закуску и, обжигаясь и давясь, спешно поедать её. Они проглатывали большие куски, почти не жуя, наподобие удавов.

– Васька, давай! – завопили самые азартные, видя, как один из конкурсантов вцепился зубами в последнюю позу. И вот он, миг победы: долговязый Васька вскинул руку, воскликнул «Ы!», поскольку горло у него ещё оставалось занято, и посмотрел на соперников. Они тут же побросали недоеденное обратно в миски и тяжело отдувались, вытирая губы руками, поскольку о салфетках организаторы как-то не расстарались. Худой Васька посрамил своих более справных оппонентов и ему презентовали зажигалку. Более поз для конкурса не предусматривалось и все пошли смотреть на другие развлечения. Их набралось не очень много: всё-таки все затей стоили денег, а до выборов ещё далеко и, по сути – никаких твёрдых гарантий. Стада автомобилей быстро редели, сворачивались палатки и скоро на месте праздника остался лишь мусор да едкий запах горелого шашлыка. Антон был, тем не менее, доволен: у него закупили обе его осветительные вещи и, хоть доход получился не особенно велик, настроение у мастера подня-

лось до такой степени, что захотелось даже немного как-то отметить такой почин. Это он решил отложить до вечера и посидеть за чарочкой вдвоём с переводчиком Игнатом после экспедиции в лес. Правда, он как-то не удосужился поинтересоваться, употребляет ли полиглот, но что-то подсказывало Антону что да, употребляет, хотя и не во зло. Ближе к пяти Игнат позвонил:

- Добрый! Ты собираешься?
- Добрый! Только подпоясаться...
- Ну, я сейчас выезжаю.
- Жду.

Домочадцы Антона только недавно пришли из школы и уже успели пообедать: он сварил роскошный борщ и на десерт купил мандаринов и яблок – из сумм своего сегодняшнего заработка. Дочка хотела начать обед с мандаринов, но Антон безжалостно заявил, что тогда лучше он съест весь килограмм цитрусовых сам, и ей пришлось есть сначала борщ.

– Я вечером приду с товарищем, с Игнатом – сообщил Антон. – А сейчас мы съездим в леса, за коряжками. Я же сегодня продал две своих лампы, на ярмарке. – И он повёл рукой над столом, где красовались фрукты.

- Хорошо. До той поры мы сделаем свои уроки, правда, доча? – сказала Ольга.
- Времени достаточно, – солидно обронила Адель.
- Поздравить тебя надо, – добавила Ольга. – Ты правда продал?
- Чистая правда. Мелочь, конечно – три тысячи. Но всё равно.
- Да. Нежданный интерес, или как это называется?
- Пруха, – подсказала Адель, за что ей погрозили пальцем.

За окном раздался гудок клаксона.

– Ну, я пошёл. – Антон надел истрёпанную старую штормовку, сапоги, вооружился громадным самодельным тесаком и вышел.

– У меня сегодня национальный праздник, – объявил он Игнату после взаимных приветствий. – Я продал на ярмарке пару своих поделок, как раз из коряг.

- Ну? – удивился Игнат. – И почём?
- По полтора рубля.
- Тыщ, то есть. Гарно. Ты бросишь, наверное, теперь бойлерное дело?
- Потеха! Отопительный сезон и так кончается. Волей-неволей... Но я же не увольняюсь.
- А вот эти правила... Эти платежи за сбор ягод там, грибов – на коряги они не распространяются?

– Пока никто ничего не говорит. Да я же собираю, когда ни ягод, ни грибов нету и сборщиков, и смотрящих, соответственно. К тому же эти коряги можно отнести к категории валежника. А за него спросу нет.

- Боюсь преступить закон, видишь ли.
- А как же! Потеха... Вечером ко мне заглянем? Праздник всё-таки?
- Заглянуть-то можно; удобно ли?
- А чего же? Мы в моём рукодельном сарайчике посидим, если неудобничаешь.

Но лучше бы – дома. Моим я сказал – будет гость.

- Тогда мы немного поприветствуемся, а уж на посиделки – уйдём.
- Идёт. Ты в эту просеку заверни, тут много бурелома. Авось, что-то подвернётся.
- Ни разу не участвовал в такой охоте, – признался Игнат. – А уж на каких только не бывал!

Присматриваясь к изысканиям Антона, он и сам мало-помалу до того увлёкся, что стал пенять ему:

– Ну что же ты нос воротишь! Ведь посмотри, какой пень – уже готовый, вылитый почтальон Печкин! Ему только кепку присобачить – и вполне себе шедевр!

– Да куда же я с этим Печкиным? Он к тебе и в машину-то не влезет, – отмахивался Антон, – да и в сарае у меня будет не повернуться. И придётся его разрубить на дрова.

– Прискорбный ты человек, – вздыхал Игнат. – Ну а чем тебе вот этот корень не нравится? Просто непонятно: то ли домовёнок, то ли осьминог. Загляденье!

– Корень хорош. Но почему бы тебе самому не попробовать резать из коряжек? Ты видишь, считай, в каждой какого-то персонажа. Образ, так сказать. Давай!

– Ну, может быть, со временем. Надо посмотреть. Никогда этим не занимался.

– Посмотри сегодня у меня.

Они за недолгое время набрали целый ворох древесного материала для поделок, главным образом, благодаря энтузиазму Игната. Хотя Антон подозревал, что часть заготовленного придётся просто спалить. За непригодностью. Но вслух свои соображения высказывать он не стал.

Ольга с Аделью, как и обещали, со своими школьными делами уже покончили и лесовиков ждал основательный ужин, что пришлось очень кстати, поскольку большие лесные прогулки пробуждают замечательный аппетит.

– А это дядя Игнат, о котором я говорил – представил гостя Антон. – Хозяйка – Ольга, а заместительница – Адель.

– Рад познакомиться, – склонился в поклоне Игнат.

– Очень приятно, – отозвалась Ольга.

– А меня зайцы просили передать маленькой хозяйке подарок, – объявил гость и неуловимым движением достал откуда-то блестящую коробку конфет.

Адель засмушалась, но подарок взяла:

– Спасибо, дедушка!

Игнат поперхнулся и потёр переносицу.

– Делька, ну какой же он дедушка? Он на целых полгода моложе меня! – пожурил дочку Антон. – Я что, тоже дедушка?

– Вообще, для меня это почётно, – нашёлся гость. – Я – дедушка. Устами младенца... – и он погладил маленькую прикольщицу по макушке.

– Ну, мы пойдём рассортируем добычу, посмотрим мастерскую и перекусим, – Антон взял со стола корзинку с нарезанным хлебом, достал из холодильника бутылку водки и вручил всё это Игнату. Сам взял вилки, погрузив их в тарелки и большое блюдо с тефтелями, обложенными печёной картошкой и маринованными огурцами. За разборкой лесоматериалов, сопровождаемой нечастыми тостами, засиделись они допоздна.

– Вот эта вещь тоже интересная, – заметил Антон, вертя в руках обломок пня. Голова, шея смуглая и, вроде, тюрбан. А? Шейх, что ли, или халиф?

– Хм, халиф. Переводил я недавно один манускрипт... – Игнат опорожнил недопитую стопку и замолчал.

– И?

Коростелёв задумчиво почесал переносицу.

– Довольно старые времена были, лет триста назад. Один молодой европеец, Жюль в поисках своей... ну, неважно. Словом, он забрался далеко на юг, на Аравийский полуостров. Да. Расспрашивал о предмете поисков, насколько позволяло знание языка – а известных ему насчитывалось до сотни слов. Понятно, что он был порядочно не в себе, и ничего удивительного, что очень скоро его схватили. Хотели сразу голову отрубить, но не зря эти люди представляли славный отряд секьюрити – решили сначала показать лазутчика эмиру. Мало ли что, тем более у него нелады с соседями: он имел претензии на некоторые их земли. Требовалась поддержка хотя бы кого-то из более отдалённых правителей. И он завёл дружбу с одним из них, побывав дважды у него гостем и пригласив погостить к себе. Так не от него ли прибыл нарочный? Тогда и волос с его головы не должен упасть. Эмир скор на расправу! Лазутчик был предъявлен ему, и случилась забавная сцена. Два больших пса, сидевшие рядом с повелите-

лем, грозно встали при виде обтрёпанного незнакомца нездешнего вида, но тут же благодушно уселись обратно, прежде, чем хозяин им это приказал. Пришлый лишь неслышно шевелил губами. Конечно, все поразились.

– Колдун? – нахмутив брови, ткнул пальцем в него эмир.

– Немного, – поняв, ответил Жюль, и показал кончик указательного пальца.

– Кто ты?

– Я художник, – гордо сказал чужеземец, и проделал несколько манипуляций, водя пальцами правой руки по левой ладони. Кто-то из вельмож, понимающих странный, невразумительный язык с низкими поклонами переводил правителю очередное сказанное Жюлем слово. Немного подумав, эмир отдал какое-то распоряжение; тотчас же двое стражников взяли гостя под руки и поволокли вон из зала. Толмач следовал за ними. Недолгий поход закончился в тесной комнатке с небольшим окном, разделённым пополам толстым медным стержнем. Обстановку составляли низенький стол и набитый сухой травой тюфяк. И больше ничего.

Полиглот с грехом пополам объяснил Жюлю, что ему предстоит показать своё искусство. Причём от этого зависит пребывание головы Жюля на плечах. А изображать он будет одного из стражников. Тут же появился и этот стражник, принесены были рисовальные принадлежности.

– Долго ли мне можно его рисовать? – спросил художник.

– Завтра к полудню рисунок должен быть показан господину.

Жюль усадил натуру на тюфяк, сам расположился на коленях напротив и принялся за работу. Лицо стражника имело крупные, даже грубые черты и было очень выразительным: выражало оно, в первую очередь, свирепость. Всё это упрощало задачу художника, хотя и не делало её пустяковой. Жюль некстати подумал, что этому стражнику как раз, наверное, и будет поручено снести ему голову в случае неудачи. Но рука уверенно делала своё дело. Когда свет в окошке стал тусклым, набросок был в основном готов и Жюль знаками показал начинавшему дремать стражнику, что пора прерваться. Тот приоткрыл дверь и крикнул что-то в коридор. Появился второй стражник и они вдвоём принялись рассматривать при совсем уже слабом свете сработанный чужеземцем портрет, одобрительно цокая. Затем второй охранник исчез, а через несколько минут появился переводчик, несший в руке лампу с чадающим огоньком. Он приблизился к Жюлю, делающему ещё какие-то штрихи и всмотрелся в изображение стража, потом перевёл взгляд на того, и обратно. Нечто похожее на улыбку отразилось на его иссохшем, жёлтом лице любителя опиума.

– Это всё? – спросил сановник.

– Завтра утром я доработаю портрет.

– У нас есть хорошие художники, – но у тебя тоже неплохо получается. Хм. Значит, готовься.

Назавтра законченную вещь с низжайшими поклонами представили пред очи повелителя. Страж, позировавший Жюлю, находился тут же. Сходство не вызывало сомнений. Плоды труда чужестранца, видимо, удовлетворили солнцеликого: подозвав Халани, он дал ему какие-то указания. Затем разорвал принесённый потрет и бросил обрывки на пол.

– Повелитель желает, чтобы ты изобразил его, – сказал переводчик. – Придешь, когда тебя позовут.

Жюлю был заказан портрет эмира во весь рост, в праздничном убранстве, и он уже на следующий день приступил к работе, на которую отводилось очень недолгое время. Но зато сеансы проводились ежедневно. Дабы не утомлять себя постоянным лицезрением медленно воплощаемого художником образа, правитель не приближался к картине, иногда только спрашивая кого-нибудь из приближённых:

– Ну что?

Те кивали головой и торопливо говорили что-то в ответ. Довольно скоро Жюль начал понимать ещё сотню выражений, и теперь его словарный запас стал достаточным для нехитрого житейского разговора. Обмен репликами у эмира тоже не ставил его в тупик. Наконец, правитель счёл возможным для себя оценить степень мастерства художника: встав после очередного сеанса рядом, он пристально вглядывался в своё почти уже законченное изображение на холсте, будто силился прочесть что-то в лице напротив. Прочитал ли он что-то, или же нет, но трудами Жюля остался доволен и, отходя, кивнул ему.

Между тем государственные дела призывали эмира к действию: особо недружественный сосед накапливал у границы военные силы, не питали братских чувств и другие сопредельные державы, так что приходилось повышать размер собираемой подати со своих и до того небогатых подданных. Конечно, состоялся полный диван, который обсудил ситуацию с наполнением казны для военных расходов. Собственные придворные и приглашённые мудрецы ломали голову, где же взять на это деньги. Предлагалось немало проектов, но некоторые выглядели слишком сомнительными, другие требовали продолжительного времени для их реализации, иные следовало предварительно опробовать в виде эксперимента, а время не ждало. В конце концов решили, как и всегда, обратиться к помощи подданных. То есть, влезть в их карманы, приставив нож к горлу. Одновременно Абу Саид вёл тайные переговоры с халифом Салманом о взаимной военной и всяческой иной поддержке. Дервиши доставляли им взаимные послания с заверениями в вечной дружбе, но иногда попадали во вражеские руки, и в конце концов тайное стало явным. Абу Саид тогда нанёс открытый визит халифу, сопровождаемый внушительной свитой, в которой состоял и Жюль – пусть Салман видит, что у эмира есть связи и с европейскими дворами. Встретили гостей со всей пышностью, на которую был способен старинный город Востока. Они, в свою очередь, преподнесли его хозяину бесчисленные подарки, среди которых блистал и алмаз «Слеза джинна» величиной с оливу. Гостеприимный хозяин на второй день пребывания аравийских единоверцев организовал смотр военной мощи халифата. По длинной узкой улице города перед ними и местными жителями проходили неисчислимые вереницы пеших и конных воинов; казалось, они не иссякнут до самой ночной звезды. Тут прошли даже боевые слоны, пригнанные из Индии. Потрясённые зрители онемели от восторга. Эмир сохранял на лице маску благодушия, дабы никто не понял, что высокий гость подавлен: он знал: что самому ему такую армию не собрать – не хватит ни людей, ни средств. Тем ценнее иметь в друзьях столь сильного союзника. Халиф казался не менее довольным закреплением дружественных связей с далёким эмиратом.

– О, цвет моего сердца, – восклицал он при расставании, – с тех пор, как я узнал тебя и приобрел величайшего друга, душа моя наполнилась радостью и покоем! Теперь я знаю, что есть у меня верный товарищ, да продлит всевышний дни его пребывания на Земле и да сделает их счастливыми!

– О, брат мой неподкупный и светлый, орёл, парящий над этими священными равнинами, да исполнятся все твои желания и погибнут все враги! Отныне нет у тебя более преданного друга, чем я! И ты можешь во всём рассчитывать на этого друга! – в свою очередь, клялся эмир.

Так на третий день они попрощались, и все сопровождающие их тоже кланялись друг другу, прижимали руку к сердцу и возносили молитвы за здоровье и благополучие другой стороны. Радостные улыбки не сходили с лиц. И лишь художник Жюль пребывал в растерянности и печали. Но у него не имелось друзей ни среди приближённых эмира, ни, тем более – халифа и никто не спросил, почему же он не радостен, когда все ликуют. Возвратясь домой, Абу Саид узнал, что подданные ропщут, недовольные скудной жизнью, и уже были такие, что порицали эмира. Они считали, что норма – три финика и немного воды в день на человека – недостаточно. Он понял, что великий час пробил и приказал собрать всю армию, коней, оружие и готовиться выступить в поход. Одновременно сборщики податей в сопровождении стражи стали обходить все дворы и требовать сверхподатный бакшиш. Тут возникали драки, стоял

женский плач и детский визг, но Абу Саид не дал черни развернуться: сейчас же всех мужчин от подростков до седобородых старцев согнали в амию, кто упирался или пытался бежать – сносили голову.

Собранное золото и серебро частью пошло на оплату военачальников и неисчислимых охранников, а также на закупку еды и фуража для армии; другую часть предстояло отправить в дар халифу Салману с призывом его на помощь. С учётом дороги, на преодоление которой требовалось четыре дня гонцам, столько же – на обратный путь верному Салману с его армией, и два дня на её сборы – Абу Саид мог ожидать подмоги уже через десять дней. А там... Он разобьёт наголову всех недругов и заставит платить дань до окончания века. Все правители будут преклонять перед ним колени и искать с ним дружбы. И перегрызутся, как тарантулы в глиняном сосуде. Тогда можно делать с ними всё, что угодно. А что делать с Салманом – покажет время.

Дары халифу заняли своё место во вьюках, и тогда, накануне отъезда послов, к эмиру попросился придворный художник, рисовавший на этот раз наследника Абу Саида.

– Повелитель, – сказал он, не пряча тревоги, – не спеши с Салманом.– Я недостойный червяк, но хочу дать тебе совет. Когда мы пребывали в его пределах и смотрели на его воинов...

– Ты испугался слонов? – усмехнувшись, перебил его Абу Саид.

– Нет, повелитель. Я привык замечать всё там, куда смотрю. Привычка художника.

– И что же, – вновь прервал его эмир, в нетерпении топнув ногой, – что тебе там привиделось? У меня мало времени!

– Мне не привиделось. Когда по улице проходила конница, я заметил серую лошадь с тёмным пятном на задней ноге. Через некоторое время я увидел её снова, – лошадь с тем же пятном. Сначала подумал – это кони от одной кобылы. Тогда я запомнил черты всадника.

Лицо эмира налилось кровью.

– Он на своей лошади проехал мимо нас ещё три раза. Повелитель, они гоняли свои отряды по кругу!

– Довольно! – вскричал Абу Саид.– Замолчи ты, презреннейший из заморских шакалов! Хочешь рассорить меня с моим лучшим другом, нечестивая тварь! Ты этого не дождешься! Увести! И пусть он пьёт одну только воду. Мне некогда; потом я им займусь!

И верно: эмиру приходилось спешить.. Той же ночью он отправил отряд гонцов к далёкому Салману, с просьбой как можно скорее выступить со своим войском на помощь брату. Просьбу подкрепляли мешки с золотом. Впереди неслышно скакали разведчики на конях с намотанными на копыта тканями. Встречали их радушно, особенно, когда прибывшие открыли тюки, мешки и сундуки с подарками. И лишь когда посланцы эмира заговорили о необходимости неотложной помощи ему, халиф поскущел лицом.

– Да продлит всевышний дни брата моего, Абу Саида! – воскликнул он. – Но основная часть войска ушла в дальний северный поход, и чтобы вернуть её, а затем дойти до владений любезного брата, потребуется много, очень много дней и ночей. К тому же поступили донесения, что армия уже вступила в бой. Отзывать её в такой момент никак не возможно. Здесь остался лишь небольшой гарнизон для охраны города и малые отряды для охраны границ.

Халиф глубоко задумался, сокрушённо покачал головой и сказал:

– Я могу отправить почтеннейшему Абу Саиду 50 воинов из их числа. Сегодняшний день – им на сборы, а завтра они выйдут в поход.

Посольство возвращалось домой в тяжелых предчувствиях. Все понимали, кто окажется виноват.

– Надо бежать, куда подальше, – наконец предложил кто-то.

– Бежать, бежать! – поддержали его сотоварищи. – Эмир снимет с нас голову.

– Но нельзя обманывать эмира, он наместник всевышнего на земле! – возразил главный посол и вынул из ножен саблю. Тотчас же это сделали и все остальные, выставив клинки ему навстречу.

– Бесчестные шакалы! – выругался он и поскакал прочь.

– Ты верный слуга, – почти не разжимая губ, молвил правитель, выслушав отчёт об ответе халифа и о бегстве гонцов. – Ты попадёшь в рай. – И приказал отрубить ему голову.

Жюль, впопыхах брошенный в свою мастерскую и на время забытый, потому что никто не осмеливался спросить у Абу Саида, что же делать с художником, искал пути к спасению. Выбора, собственно, не было. Памятуя, что эмир велел всё же поить арестанта, Жюль выбрал самую длинную и крепкую самшитовую кисть с заострённым концом, и устроился возле двери, прислушиваясь к звукам, долетавшим из-за неё. Ждать пришлось долго, и он уже потерял надежду, что сегодня ему принесут воды, когда послышались шаги и шум отодвигаемого засова.

Самшитовый стержень вонзился стражнику в глаз, и он без звука рухнул на пол, выронив кувшин с водой. Жюль быстро вымазал лицо заранее приготовленной охристо-серой краской, намотал на голову кусок ткани, снятой с убитого, вооружился его коротким мечом и выскользнул в дверь.

– Салим? – спросил голос второго охранника, когда Жюль постучал в следующую дверь и прежде чем открыл рот, она отворилась. Он нанес удар часовому не очень умело и тот издал возглас, скорее удивления, чем боли. Жюль закрыл ему рот ладонью и тотчас был укушен, но ладони не убрал и ещё раз ударил мечом. Охранник больше не кусался и повалился под дверь. Было уже темно. Жюль быстро, но осторожно двигался прочь, надеясь где-то увести лошадь. Вдалеке горели костры, с лёгкими порывами ветра доносился неясный шум. Послышался топот копыт и мимо быстро упавшего в канаву Жюля проскакал отряд конников, затем другой – они направлялись к кострам, светившимся на невидимом уже горизонте. Он нашёл привязанную лошадь, захрапевшую, когда вор отвязывал повод, но Жюль уже вскочил верхом и ударил каблуками ей под бока. Скрипнула дверь и кто-то издал угрожающий крик, но конокрад лишь пригнул голову и скакал во весь опор, удаляясь в сторону, противоположную дальним кострам. Возле них же тем временем разгоралась битва: преждевременно двинутая на врага армия эмира встретила яростное сопротивление, а поскольку численный перевес был на стороне противника, он начал теснить её. Тем более, что наспех собранные по эмирату люди, не собиравшиеся воевать, побежали обратно. Не тут-то было: сзади их встретили отборные воины охраны Абу Саида, гнавшие трусов снова в бой.

– Вы, подлые, презренные собаки, – кричал их начальник, – сшибая головы бегущим, – или вы бьётесь с врагом, или все ляжете здесь!

Но слишком мало оказалось отборных высокооплачиваемых воинов эмира, вставших перед отступающими. Их насчитывалось, по сравнению с этими трусами, всего раза в полтора больше: все они скоро полегли под ударами обезумевших беглецов. Тех немногих, кто уцелел, смели спешащие следом за откатывающейся армией неприятельские отряды.

– Долой Абу Саида! – кричали в городе. – Пусть он сам питается тремя финиками в день!

Эмир вспомнил художника Жюля. Всё могло быть иначе, прислушайся он к словам иноверца. Но теперь путь оставался только один: на северо-восток, к халифу Салману. С сотней оставшихся охранников и придворных он сумасшедшим аллюром помчался прочь из города, где уже занимались пожары, в том числе в только что покинутом дворце. Их преследовали, и некоторые стрелы долетали до отстававших, но никто не пустил ни одной стрелы в ответ. Это – понимали – совершенно бесполезно.

Рассказчик умолк и устало перевёл дыхание. Не стоило труда заметить, что его начинает клонить в сон.

– Ты подремли потом, – предложил ему Антон, – куда торопиться? Ну а что же его друг, халиф? – вернулся он к прерванному рассказу.

– А что друг? Друг – он и есть друг. Халиф встретил его с конной полусотней, которую обещал отправить на помощь. Остальную армию тревожить не стал, хотя она стояла, как говорят теперь, под ружьём. Зачем? Абу Саида он затем назначил вторым помощником главного конюха при своём конном дворе. Высокая должность!

– Да уж! – Одобрительно кивавший захмелевшей головой Ведяев вдруг встрепенулся:

– Э-э... Постой! Как это? А что же...

Но вконец утомившийся переводчик уже мирно спал, уронив голову на высокий подлокотник кресла.

***

– Они не будут пьяные? – озабоченно спросила Адель, когда лешие вышли.

– Не будут, – успокоила её мать. – Кстати, а почему ты назвала дядю дедушкой?

– Ну как же! Разве ты не видишь?

– Что я должна видеть?

Но Адель была уже полностью занята конфетами, протянув одну Ольге, чтобы от неё отстали с бессмысленными вопросами.

5. Бунт аврального зама

Отопительный сезон закончился, но, пока бухгалтерия гоняла деньги со счёта на счёт и они ещё не упали на карточку, Антон числился на работе. А поскольку все остальные работники ДК оставались при исполнении, на различные мероприятия, не требовавшие обязательного присутствия руководителя, командировали его. Для отчётности. За глаза его величали чрезвычайным замом. Завистники, конечно. Было бы, чему завидовать... Да леший с ними! На этот раз в числе основных вопросов совещания в администрации города значилось изучение ситуации с алкоголем: много ли выпивается спиртного и каковы последствия в состоянии общественного порядка, количестве ДТП и численности неблагополучных семей.

На основании всех данных, собранных отделом полиции за первый квартал текущего и весь прошлый год, майор, которому было поручено осветить проблему, сделал подробный доклад. Не опоздав с его началом даже на четверть часа, хотя наиболее самодостаточные участники совещания тянулись ещё долго. Где-то торопилась, находясь уже на подъезде, представительница областной службы общественного благополучия госпожа Иванкова, которая попросила начинать мероприятие без неё, а она выступит, в свой черед, с минутной задержкой.

Ответственный сотрудник полиции между тем обрушился с критикой на местные, сельские администрации, где процветает самогонварение и народ, который пьющий, пьян в любое время суток. И подчас приобретает горячительное даже без копейки денег, под запись: поскольку все тут друг друга знают, никто паспортных данных не спросит. Результат же налицо: львиную долю преступлений и правонарушений за отчётный период совершили лица в состоянии алкогольного опьянения. А случаев ДТП! Тут можно сбиться со счёта. Причём ведь если и от магазинной водки люди дуреют, то от самогона вообще становятся невменяемыми. Хотя бывает и замечательный самогон. Но редко. И вот человек хватит стакан-другой первача – и пошло-поехало: кухонные спарринги, побитые стёкла и носы, воровство нужных и бесполезных вещей... Не надо далеко ходить: не так давно он сам оказался по милости выпивох пострадавшим. Соседи сверху пожаловались на своих соседей сверху, что они слишком шумят этим вечером, просто не вмогуту. И точно, из-за двери слышался гвалт, громкая музыка и топот разутых ног. Дверь открыла хозяйка, очень навеселе и на замечание представителя власти о недопустимости такого бесчинства отвечала, что у неё сегодня день рождения. И нахально дала лёгкий щелчок ему по носу. Свидетелями избиения явились соседи-жалобщики и орава гостей именинницы, вывалившиеся в прихожую посмотреть, в чём дело.

Если бы не они, именинница, того гляди, получила бы хорошую затрещину, несмотря на то, что знакомая. Поскольку он был не при исполнении, факт рукоприкладства никакого судебного продолжения не имел. Тем более, что гуляки заверили блюстителя, что будут вести себя тише.

Наторевшая в заседаниях Иванкова поспела как раз к окончанию речи блюстителя порядка, будто стояла за дверью. И ей сразу же предоставили слово.

– Скоординированными действиями целого ряда служб, и нашей, в том числе – начала Иванкова, – достигнуто заметное, я бы сказала, беспрецедентное снижение уровня потребления алкоголя в области. Практически, во всех городах и районах. Да вы и сами видите, наверное: на улицах пьяных – по пальцам пересчитать. Если в первом квартале прошлого года на душу населения у нас приходилось по пять литров в пересчёте на чистый спирт, то нынче – всего лишь четыре и восемь. Министерство торговли, отслеживая эти показатели, отмечает также, что население области всё меньше потребляет водки, отдавая предпочтение благородным, скажем так, напиткам. – Она распалаясь всё больше.

Собрание, до того впавшее уже в лёгкую дрему, оживилось и повеселело; председательствующий что-то лихорадочно строчил в блокноте. Малое время погода он крадущейся пан-

терой приблизился к трибуне и положил на неё записку. Докладчица судорожно сглотнула и сделала полусекундную паузу. Но не зря же она была завсегдаем различных серьёзных совещаний и неоднократно избиралась:

– Вместе с тем надо отметить, что в этой работе имеются ещё и существенные недостатки – с ходу продолжила она. – Это, в первую очередь, конечно, употребление различных суррогатов и самогона, крайне вредных для здоровья. Чему до сих пор не поставили заслон органы местного самоуправления. Данное положение негативно сказывается на общих показателях борьбы с таким отрицательным и несвойственным нам явлением, как пьянство.

Несмотря на то, что Иванкова сравнительно достойно вышла из дурацкой ситуации, выступление, которое планировалось ею на целых десять минут, пришлось на этом и свернуть.

Следующий вопрос – «О мерах подъёма уровня культурно-просветительной работы» и вовсе вверг участников совещания в недоумение: какая тут культура, когда международная обстановка переживает такой острый момент и надо безотлагательно трудиться? Но выступление руководителя городского управления культуры выслушали полностью и даже похлопали. Вопросы, разумеется, задавать не стали, потому что повестка дня не исчерпывалась рассмотренными вопросами, и ещё оставалось «разное», которое, чёрт его знает, почему, иной раз растягивалось на более долгий срок, чем и само совещание.

Всё-таки к концу рабочего дня Антону удалось вырваться, поскольку завершающим аккордом стало предложение «руководителям остаться» – а к ним Ведяев никак не принадлежал.

Окончание календарной весны ознаменовалось небывалыми возмущениями атмосферы, и в один из наиболее бурных дней сорвало крышу с Карасёвского сельского Дома культуры. Крышу, ввиду её относительной лёгкости и большой парусности, унесло на окраину и бросило на коровник, имевший и свою, вполне добротную кровлю. Её прилетевшая с громом гостья изрядно покалечила. При этом пострадал ночной сторож Петрович, который мирно дремал в молокобанке, нарушая отдых животных своим неуместным храпом. Проснулся он от невероятного грохота над головой и всеобщего сотрясения. Забыв где находится, несчастный по домашней привычке, кинулся с ложа направо, в то время, как ему следовало прыгнуть влево. Справа от лежанки громоздились большие молочные бидоны и, врезавшись в них, Петрович повредил руку. В панике замычали и стали рваться с привязи коровы. Но это, конечно были сущие пустяки по сравнению с ущербом, нанесённым Дому культуры и животноводческому помещению. Немедленно в районе и даже в целом по области по линии МЧС организовали мероприятия, направленные на недопущение подобных происшествий. Обследовать состояние крепления крыши в ДК «Радуга» и установить, нет ли там различной электропроводки, отрядили, Антона Ведяева. Ничего угрожающего он не обнаружил, о чём и проинформировал руководительницу. Вслед за тем состоялось районное совещание по вопросу обеспечения сохранности объектов культуры, животноводства и прочих. «Радуга» тут представлял опять-таки Ведяев, потому что именно ведь он лазил по чердаку и крыше и кому, как не ему, отчитываться перед районной администрацией и местной службой МЧС? Совещанию хотели посвятить два дня, но уложились в один, проработав допоздна.

На этом, однако, заседательская деятельность для Ведяева не закончилась: через два дня руководитель ДК, вызвав его, сообщила, что с завтрашнего утра начинают работать курсы регионального Фонда содействия Фондам местных ресурсосберегающих и природоохранных инициатив для добровольных помощников этим фондам. Курсы платные, однако же каждому слушателю они обойдутся всего в три тысячи рублей. Но, конечно, читающим эти курсы принимающая сторона должна обеспечить питание и проживание – за счет, разумеется, тех же слушателей. По окончании учёбы им выдаётся соответствующий сертификат и тогда уж они смогут осуществлять волонтерскую деятельность не как дилетанты, а со знанием дела. Но тут Антон Ведяев решительно воспротивился, на том основании, что от взаимодействия с поли-

этиленом у него развивается аллергия, а уборка мусора непременно связана со сбором выброшенной пластиковой тары. Ему высказали порицания и намекнули что-то даже насчёт увольнения, но Антон оставался непреклонен, и от упряма, в конце концов, отстали.

На всякий случай он рассказал об этом предложении Ольге и она полностью одобрила его отказ, заявив, что если кому-то абсолютно нечем заняться и некуда девать деньги – ну, пусть идут на эти курсы, а им, Ведяевым, сберечь бы свои ресурсы. И увольнением Антона пусть не страшат. Ольга ещё хотела добавить, что плевать им на это увольнение, но присутствие Адели остановило её. Подумав непродолжительное время, дочь подошла к Антону и доверительно сказала:

– Да знаешь, папа – плевать на это увольнение. Правда?

И Антон облегчённо вздохнул: у него и без того много дел. Суматоха его раздражала, особенно срочная и потому нервная, возникающая от чьего-то недомыслия. Он не предполагал, что скоро её прибавится, и ещё как прибавится! Поэтому некоторый период затишья в делах пришёлся очень кстати.

6. Краеведческий интерес Василисы

Василиса Рябинина, 24 лет от роду, слыла уже закалённым тружеником пера и являлась редактором отдела писем и культуры городской газеты «Верный путь», учредителем которой выступала администрация Солегорска. Газета здесь имела статус самой старой и заслуженной, тогда как в целом насчитывалось в пределах города и Солегорского сельского района около трех десятков изданий. И название она неизменно носила со дня своего основания в 1929 году. Рыночные перемены не повлияли на него, поскольку не вызывало сомнений, что каким бы ошибочным ни являлся прежний путь, нынешний – он как раз и есть верный. Не так счастливо обстояло дело с предприятием, давшим название городу. В пору обновления и появления прогрессивных механизмов экономического развития руководители города безостановочно мотались по презентациям каждый день появляющихся, роскошно оформленных точек торговли и сервиса, а с руководством – обязательно начальник солерудника – депутат и почётный гражданин города. За этими заботами как-то было выпала из виду необходимость укрепления старого, обветшавшего предприятия, выдающего соль. Тем временем выяснилось, что конкуренты провели модернизацию и оптимизацию и вдруг резко затормозили отпускную цену, чего не могли себе позволить солегорцы. Поддержать финансово рудник горадминистрация не имела права, кредиты стали слишком дороги. Оставался один только приемлемый выход – не платить рабочим зарплату, и с этим справились вполне успешно. Однако через три месяца уволился последний рядовой соледобытчик и остался один лишь отряд управления. Ещё две-три недели управленцы лихорадочно перекладывали с места на место уже никому ненужные бумаги, а затем расформировались. Лишь уголок в городском музее, отведённый под солерудник, напоминал о его славных днях. Особенно восхищала экскурсантов соляная люстра, до мельчайших подвесок вырезанная из прозрачных кусков хлористого натрия. Были ещё многочисленные фотографии. Но и только. Теперь гендиректора предприятия на торжества не звали, и у него появилась пропасть свободного времени для работы, да только прежней работы уж не имелось. Почти так же обстояло дело и с отделом писем газеты «Верный путь»: письма граждан, тёкшие прежде бойким ручейком, стали весьма редки, поскольку при большом раздражении граждане обращались непосредственно в прокуратуру. А при незначительном недовольстве вообще относились к его источнику наплевательски. Поэтому отдел писем решили догрузить сферой культуры, и тут у Рябининой набиралось достаточно работы. Даже и в городе культурным мероприятиям не чинилось никаких препятствий, в селах же их разворот поражал широтой и полной самоотдачей, вплоть до рукоприкладства: народ непосредственный, искренний и не избалован праздниками. На презентации попадает крайне редко, практически никогда.

– Василиса! – кричал редактор сквозь тонкую стенку, – сейчас в Светловке собираются поздравлять с юбилеем начальника почты. Ей 50. Раньше позвонить забыли. Ты давай с Николаем выезжай не медля!

– Там где?

– Вестимо, в клубе.

Лёгкая на подъём Василиса брала сумочку с блокнотом, фотоаппарат и, оторвав от стрельлок молодого шофёра, без заминки отправлялась на юбилей.

– Василиса! – звонил вечером неугомонный редактор. – Там пожар в «Стройсервисе», как раз всё в разгаре. Ты загляни, пожалуйста. Я бы сам, но мне далеко, а тебе – совсем рядом. Хоккей?

Иногда служба изрядно доставала Рябинину, поскольку она, как самая молодая, бывала бросаема на прорыв – туда, где требовалась быстрота и поворотливость, хотя неповоротливые в «Пути» и не задерживались. Особенно хлопотными выдавались летние дни, когда насту-

пало время отпусков – тут уж приходилось трудиться за двоих, поскольку и всего-то народу в редакции вместе с бухгалтером и шофёром насчитывалось десять человек. Но за Рябининой дело не стояло, из номера в номер она давала добротные материалы. В последе время Василиса повышенный интерес проявляла к историческим аспектам территории, к старине. Никаких установок сверху на этот счёт не имелось, но раз человек хочет предметнее вникнуть в эти вопросы – пусть вникает. Тем более, что пишет интересно. Причуды есть у всех, главное, чтобы дело не страдало. Нашёлся тут ещё один энтузиаст краеведения – переводчик в издательстве «Фолиант», располагавшемся в том же здании, что и «Верный путь». Он засиживался на работе иногда допоздна – неизвестно, над чем, корпя: или переводил очередную главу очередного модного европейского писателя, или сочиняя трактат о местных достопримечательностях. Игнат Коростелёв был не местный, но уже долго жил и работал здесь, и не приходилось удивляться, что помешался он именно на солегорской истории и даже шире – на истории региона. Строение, где гнездились «Фолиант» и «Верный путь», принадлежало когда-то райкому партии и поговаривали, что ночами по его коридору неслышно бродит тень самого первого первого секретаря т. Шибаева и грозит квартирующим пальцем. Но Коростелёву он, кажется, не докучал; по крайней мере, тот покидал иногда свой кабинет близко к полуночи и никаких тревог на его лице не отражалось. Но если т. Шибаев бродил по зданию ночью и беззвучно, то днём тут передвигался кто-то другой, или он же, но уже невидимый, зато хорошо слышный: скрипели старые половицы, и время от времени где-то брякала упавшая со стола ручка, хотя никаких причин у неё для этого не имелось. Особенно пугалась этих потусторонних звуков бухгалтерша, которая взвалила на себя уборку офиса из трех редакционных комнат. Поэтому она начинала мыть полы, пока ещё кто-то тут оставался, и производила все работы с замечательной скоростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.